

УДК 811.1/.9

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-14-23

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЕ ВОСПРИЯТИЕ, МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СБОИ В ПРОЦЕССЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СУЖДЕНИЙ О ЦЕЛИ (В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ У. Л. ЧЕЙФА)

Воронина Л. В.*Московский университет Министерства внутренних дел РФ имени В. Я. Кикотя, Рязанский филиал**390043, Рязанская обл., г. Рязань, ул. 1-я Красная, д. 18, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На примере текстовых единиц с семантикой цели, функционирующих в жанре интервью политического дискурса, выявить специфику процесса вербализации суждений от их порождения до момента экспликации, установить индикаторы мыслительного мониторинга, определить факторы, обуславливающие появление коммуникативных сбоев в процессе манифестации цели.

Процедуры и методы. Материалом исследования послужил естественный (реальный) устный дискурс. Методом сплошной выборки с целью проведения лингвистического наблюдения и последующего конверсационного анализа в жанре политического интервью был выделен корпус вопросно-ответных пар порядка 2500 единиц. Для выявления специфики категоризации реципиентами перцептивного образа события был проведён лингвистический эксперимент. Основные выводы по исследованию сделаны на основе интроспекции как основного источника суждений о когнитивных и языковых явлениях.

Результаты. Выявлена специфика вербализации как комплекса процессов, осуществляемых на докоммуникативном этапе – формирование невербальной информации в сознании говорящего, коммуникативном – экспликация суждения – и посткоммуникативном, предполагающем оценку вербализованного суждения с точки зрения его соответствия репрезентации события / ситуации. Установлены индикаторы мыслительного мониторинга – коммуникативные сбои, свидетельствующие не только о выявленной нерелевантности реализованного суждения невербальной информации, но и о намерении говорящего обеспечить эффективность интеракции, выполнив условие искренности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Было предложено более широкое толкование понятия *вербализация*, предполагающее ряд операций на до- и посткоммуникативном этапах интеракции. Определён характер коммуникативных сбоев в процессе вербализации суждений о цели в жанре политического интервью. Определена и описана структура мыслительного мониторинга, осуществляемого говорящим с целью реализации коммуникативного намерения в рамках эффективной интеракции.

Ключевые слова: вербализация, интерпретация, коммуникативные сбои, мыслительный мониторинг, порождение, репрезентация, референт, семантика цели, текстовые единицы, экспликация

INTERPRETIVE PERCEPTION, COGNITIVE MONITORING, AND COMMUNICATION FAILURES IN THE VERBALIZATION OF PURPOSE JUDGMENTS (IN THE LIGHT OF W. L. CHAFE'S LINGUISTIC VIEWS)

L. Voronina*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikotya The Ryazan Branch**ul. Krasnaya 18, Ryazan 390043, Ryazan Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. On the example of text units with the semantics of purpose, functioning in the genre of political discourse interviews, we identify the specifics of verbalization of judgments from their generation to the moment of explication, establish indicators of mental monitoring, and determine the factors that cause communication failures in the process of manifestation of the purpose entities in a text.

Methodology. The study relies on the materials of ordinary discourse. Using the continuous sampling method for linguistic observation and subsequent conversational analysis in the genre of political interviews, a corpus of question–answer pairs of about 2500 units is identified. The specifics of categorization of the perceptual image of the event by the recipients is analyzed in a linguistic experiment. The main conclusions of the study are made on the basis of introspection as the main source of judgments about cognitive and linguistic phenomena.

Results. The specifics of verbalization is identified as a complex of processes at the pre-communicative stage (the formation of non-verbal information in the mind of the speaker), the communicative stage (the explication of the judgment), and the post-communicative stage (the evaluation of the verbalized judgment from the point of view of its correspondence to the representation of the event / situation.) Indicators of mental monitoring are established, i.e. communication failures, indicating not only the revealed irrelevance of the realized judgment of non-verbal information, but also the speaker's intention to ensure the effectiveness of interaction by fulfilling the sincerity condition.

Research implications. A broader interpretation of the term *verbalization* is proposed as a complex of processes, including a number of operations at the pre- and post-communicative stages of interaction. The nature of communicative failures in verbalization of purpose judgments in the genre of political discourse is determined. The structure of mental monitoring carried out by the speaker in order to realize the communicative intention within the framework of effective interaction is considered and described.

Keywords: explication, communication failures, generation, interpretation, mental monitoring, purpose semantics, referent, representation, text entities, verbalization

Введение

По словам У. Л. Чейфа, язык начинается «с мыслей в сознании говорящего и заканчивается их несовершенным отголоском в сознании слушающего» [11, с. 63], так что предполагаемые к анализу в данной научной работе этапы перехода невербальной информации в словесную форму – порождение и экспликация суждения – следует считать основными, но отнюдь не единственными условиями полноценного обмена мыслями между спикером (адресантом, говорящим, коммуникатором) и реципиентом (адресатом, слушающим) в процессе конкретной интеракции.

Проблемы порождения и экспликации высказывания в рамках естественного дискурса интересовали и интересуют исследователей разных лингвистических школ и направлений. В работах Н. Хомского анализу подвергались вопросы эквивалентности мышления и языка [9]; процесс перехода мыслей в слова исследовал У. Л. Чейф

[14; 15; 16]; обратную связь языка и мышления, феномен «мышления для говорения» детально исследовал Д. И. Слобин [17]; в работах Т. Винограда [3] рассматривался ряд допущений относительно процессуального понимания семантики.

Опираясь одними и теми же терминами, лингвисты зачастую подразумевали под ними разные явления. Так, понятие *фокуса*, по У. Чейфу, – сконцентрированность сознания на каком-либо фрагменте действительности [5], в то время как в работах М. Хэллидея и Дж. Лакоффа фокус как «традиционное понятие грамматики» выступает «частью смысла фразы» [6, с. 309]. Возможна обратная ситуация, когда для называния одних и тех же языковых феноменов прибегают к различным терминам. Например, Ф. Боас в своё время близко подошёл к определению понятия *категоризация*, которое впоследствии получило своё настоящее наименование в научных работах У. Л. Чейфа для квалификации

конкретных «вещей» как частных случаев более общих категорий [13, с. 83], в то время как в лингвистической концепции Э. Сепира для обозначения данного явления используется термин «концепт» [17].

Безусловно, всё, что связано или опосредовано процессами порождения и экспликации – восприятие, понимание, интерпретация – привлекало и привлекает внимание исследователей языка. В этой связи интересны взгляды на проблемы релевантности восприятия высказывания реципиентом с точки зрения его (высказывания) смыслового наполнения и иллюкутивной силы, поднимаемые в работах П. Ф. Стросона [8], изучение стратегий понимания Т. А. Ван Дэйка [1]; небезынтересны лингвистические взгляды на вопросы интерпретации В. З. Демьянкова [4], определение специфики речевого взаимодействия в рамках диалогов вопросно-ответного типа У. Леннерта [7]. В данном исследовании нас прежде всего будут интересовать основные положения лингвистической концепции У. Л. Чейфа относительно вопросов вербализации.

На примере текстовых единиц с семантикой цели, опираясь на ключевые положения лингвистических концепций названных выше исследователей, сделаем попытку анализа основных этапов перехода мыслей в слова, а именно: выбор и структурирование содержания суждения, установление логических лево- и правосторонних связей в рамках дискурса (ориентация), его «упаковка» в соответствии с прагматическим контекстом реализации и грамматическими возможностями языка. Вслед за У. Л. Чейфом принимая интроспекцию как ключевой метод лингвистических наблюдений в плане понимания языка и мышления [13, с. 81], полагаем, что жанр политического интервью предоставит нам возможность максимально приблизиться к процессу вербализации, наблюдать его стадии, обнаружить актуализированные фрагменты, высвеченные фокусом сознания, выявить специфику и факторы, обуславливающие их актуализацию.

Вербализация как процесс: операционный аспект

Ключевым в данной научной работе выступает термин *вербализация*, традиционное понимание которого как «завершающей фазы порождения речевого высказывания»¹ – заключительного этапа процесса «перевода» содержания мысли в слова (экспликации, проговаривания в устной форме дискурса), – по нашему мнению, следует считать узким. Вербализация – феномен, имеющий отношение не только к материальной стороне речи, но и к ряду операций, протекающих в сознании индивида до того, как известная исключительно ему информация будет озвучена, и после того, как речевой акт завершится.

В своих работах У. Чейф представляет вербализацию как комплекс процессов, связанных, во-первых, с содержанием, во-вторых, с «упаковкой» и, в-третьих, с синтаксическими структурами естественного языка. Их разграничение, по его мнению, «отражает реальные различия между процессами, происходящими во время вербализации» [12, с. 38], в числе которых, к примеру, *расчленение эпизода* (выделение фрагмента для экспликации), *пропозиционализация* и *категоризация*. Наше понимание вербализации основывается на стадийности данного процесса и предполагает выделение этапов, обусловленных характером составляющих их операций и их локализацией:

1) актуализация сектора мысли, предполагаемого к экспликации, – уровень сознания – докоммуникативный этап;

2) озвучивание, или вербализация в узком смысле, – собственно реализация, выход в речь – этап коммуникации.

Полагаем, есть смысл выделить третий этап – рефлексию – оценку результата перехода невербальной информации в словесную форму, которую осуществляет говорящий в нескольких ракурсах: с точки зрения соответствия, с одной стороны,

¹ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий // Грамота.ру: [сайт]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=вербализация&all=x> (дата обращения: 13.06.2022).

предметного содержания высказывания ситуации / событию, репрезентированному в его сознании (объективный фактор), и реального коммуникативного результата предполагаемому, к которому стремился спикер в своей экспликации (субъективный), – с другой. Выявленные несоответствия обусловят специфику дальнейшего речевого поведения коммуникатора и, как следствие, развёртывание интеракции в направлении уточнения исходной информации, её пояснения, отрицания и др.

Таким образом, в то время как У. Чейф в большей степени сконцентрирован на исследовании вербализации как комплекса процессов, протекающих в связи с содержанием, оформлением и материализацией суждений, и операционной стороне исследуемого феномена, мы акцентируем внимание на стадийности данного процесса – этапах перехода невербальной информации в слова, от сознания к действительности, – и, прибегая к предложенной У. Л. Чейфом терминологии, рассматриваем номинированные им операции в рамках выделенных этапов и следуем, тем самым, не в разрез, а параллельно с ним, исследуя вербализацию под иным углом зрения.

Такой подход позволяет нам выделить ряд операций, осуществляемых на первом, докоммуникативном этапе:

- репрезентация события / ситуации в сознании;
- выбор контента для экспликации («фокус сознания»);
- его категоризация;
- структурирование суждения.

Второй, коммуникативный, этап (вербализация в узком понимании) предполагает «упаковку» суждения в известные формы конкретного языка и экспликацию.

Наконец, на третьем, посткоммуникативном этапе, коммуникатор осуществляет своеобразный мониторинг того, что он произнёс, соотнося исходную невербальную информацию и собственные коммуникативные намерения с результатом озвучивания, и намечает впоследствии пути коррекции, если несоответствия для него очевидны.

На примере текстовых единиц с семантической целью, функционирующих в жанре вопросно-ответного политического диалога, рассмотрим указанные выше этапы вербализации и составляющие их операции.

Мыслительный мониторинг в процессе вербализации: коммуникативные сбои

Язык и мысль, по мнению У. Чейфа, понятия взаимосвязанные и соотносимые, но отнюдь не эквивалентные. Исследуя степень их конгруэнтности, он справедливо отмечает, что мысли намного шире языка и не ограничиваются им: «Если бы мысли были идентичны языку, их вербализация была бы куда более простой и прямолинейной задачей, чем это есть на самом деле» [11, с. 64]. Действительно, в процессе коммуникации говорящий постоянно сопоставляет невербальную информацию (I_r) – результат интерпретации события / ситуации в его сознании – с тем, что он озвучил, т. е. материализовал (S).

Индикаторами процесса развития мысли, протекающего в сознании спикера, выступают коммуникативные сбои – речевые колебания, фальстарты, переформулировки [11, с. 64], допускаемые им в процессе экспликации высказывания. Полагаясь на интроспекцию, предположим, что в ходе такого мониторинга говорящий считает необходимым уточнить, конкретизировать (пример 1), пояснять (пример 2) начальное высказывание (S_1), если последующий ход мысли не соответствует I_r : 1) *Президент Байден не приглашал меня в гости. Я пока тоже не сделал такого приглашения. Мне кажется, что для таких поездок (S_1), для таких встреч (S_2), для таких визитов (S_3) должны созреть условия¹; 2) *Когда люди встречаются для переговоров (S_1), чтобы наладить отношения (S_2), так никогда не делается, иначе не нужно встречаться¹*. Возможен иной ракурс коррекции, когда*

¹ Пресс-конференция В. В. Путина по итогам российско-американских переговоров [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65870> (дата обращения: 13.06.2022).

оптимальной говорящему представляет более размытая «упаковка» суждения: 3) **Не надо быть никаким юристом, не надо иметь специального образования, чтобы понять, что это ничего общего не имеет с Минскими соглашениями**¹.

Циклов поиска приемлемого варианта S может быть несколько – отсюда S₁, S₂ ... Цикличность обусловлена тем, что, сопоставляя I_r и S, адресант (A) постоянно возвращается к исходной информации (I_r) и оценивает степень конгруэнтности контента собственной речи и невербализованной информации, учитывая в том числе и результативность реализации собственных коммуникативных намерений в соответствии с прагматическим аспектом интеракции. Устанавливая несоответствия, он отрицает реализованные S₁, S₂ ... и предлагает новую словесную версию I_r – S₃. Именно она предполагается им к интерпретации (I_{s3}) реципиентом (R), что схематично отражено на рисунке 1.

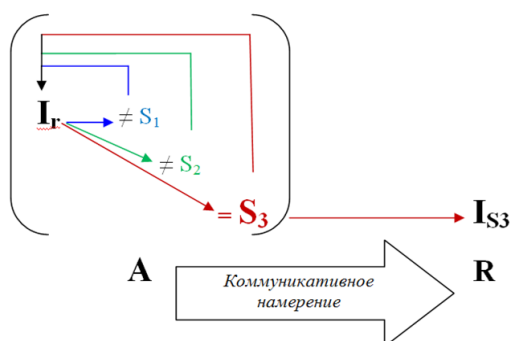

Рис. 1 / Fig. 1. Цикличность в поиске приемлемой вербальной версии репрезентации / Cyclicity in the search for an acceptable verbal version of the representation

Источник: составлено автором.

Применительно к текстовым единицам с целевой семантикой пояснений требуют коммуникативные сбои при экспликации компонентов семантической структуры цели, эскиз которой может быть представ-

лен в трёх компонентах: субъекте семантическом, предпринимающем ряд целенаправленных действий для достижения желаемого результата.

Семантическая структура цели допускает «сбои» при экспликации любого её компонента: собственно целевого (примеры 1, 2), компонента «ресурсы» (пример 3) и комплекса семантического субъекта: 4) **Но обращаю Ваше внимание на то, что мы предприняли, Правительство приняло целый набор мер, для того чтобы поддержать малых и средних предпринимателей**².

Триггером, запускающим поиск приемлемого варианта, выступает не только осознание несоответствия в содержательной стороне высказывания S репрезентации I_r. Очевидно действие ряда иных факторов – прагматического порядка.

Имеет значение обнаружение говорящим расхождения между предполагаемым «эффектом» от экспликации суждения и его реальной результативностью, т. е. достижимость коммуникативного намерения.

«Упаковка» – так называет У. Чейф конкретные языковые средства для выражения того или иного смысла – имеет прямое отношение к выявлению прагматических факторов синтаксического оформления высказывания. «Упаковка» – особый «способ передачи сообщения» [10, с. 277], цель которого – «чтобы адресат мог легко усвоить», [12, с. 38], приспособить «то, что он говорит, к тому, о чём слушающий думает» [10, с. 276]. По мнению У. Чейфа, выбор «упаковки» детерминирован целевой установкой интеракции в целом и конкретным коммуникативным намерением говорящего в частности, а также его эмоциональным состоянием в момент диалога, спецификой самой ситуации, особенностями реципиента и др.

Так, в примере 1 невербальная информация представлена ситуацией, когда один из двух субъектов становится инициатором встречи. В ходе диалога в сознании

¹ Пресс-конференция В. В. Путина по итогам российско-американских переговоров [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65870> (дата обращения: 13.06.2022).

² Прямая линия с В. В. Путиным [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65973> (дата обращения: 13.06.2022).

говорящего она репрезентована в идеях разной степени смысловой точности – от более широкого, связанного только с передвижением (*поездка*), до конкретного (*встреча*) и максимально приемлемого в ситуации общения с официальным лицом в официальной обстановке (*визит*). В примере 2 в сознании говорящего репрезентована ситуация обсуждения с целью нахождения компромисса. Тем не менее, её обозначение через лексему *переговоры* представляется ему недостаточно точной, он останавливается не на ключевом понятии (*переговоры*), а на их конечном, желательном для него результате – *налаживании добрых отношений*. Полагаем, что при изменении обстановки – ситуации, предмета, субъектов коммуникации – изменится и «упаковка».

В структурном отношении такие суждения не следует считать сложными: между S_1 , S_2 ... не устанавливаются смысловые отношения (если не считать наличие последующего S показателем отрицания истинности предыдущего). Скорее наоборот – каждый из S находится в непосредственной логической связи с I , но между собой они не связаны: 5) ... *Для того, чтобы добиться максимального результата для наших людей, для наших граждан, для развития экономики, мы организовали работу в рамках так называемых национальных проектов*¹ – в то время как синтаксические конструкции с перечислением представляют собой сложные конъюнктивные суждения, которые следует отличать от исследуемых структур: 6) *Исследования проводятся регулярно, наши специалисты уже понимают, что и как нужно делать для того, чтобы болезнь протекала как можно мягче, без серьёзных последствий*². Критерий разграничения, кроме смыслового, просодический – интонация: её повышение на конечном S .

¹ Прямая линия с В. В. Путиным [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65973>.

² Интервью В. В. Путина телеканалу «Россия». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63951> (дата обращения: 13.06.2022).

Интерпретирующее восприятие и проблема истинности высказывания

Исследуемый до настоящего момента источник мыслительного мониторинга связан с допущением того, что в отношении адресанта известное условие успешности речевого акта – искренность³, которая «требуется прямой связи между содержанием мысли и содержанием высказывания» [3, с. 14] – актуально, т. е. говорящий действительно заинтересован в зеркальном отображении присутствующей в его сознании невербальной информации в словесной форме. Однако данное заключение не снимает вопрос о релевантности самой репрезентации событию / ситуации в действительности.

В ряде работ лингвистическим сообществом обсуждался вопрос об интерпретирующем характере восприятия реципиента получаемой вербальной информации, однако У. Л. Чейф полагает, что восприятие является интерпретирующим вне зависимости от того, какой объект подлежит интерпретации [12, с. 36]: высказывание (уровень реципиента) или действительность (уровень коммуникатора). И если речевые сбои служат показателями не только развития мысли и мониторинга на предмет их соответствия словесной форме, но и намерения говорящего установить максимально точные соответствия и вывести суждение, эквивалентное невербальной информации, то во втором случае таких индикаторов нет и установить степень истинности высказывания с точки зрения его соответствия референту не представляется возможным. Более того, говорящий может не желать точности или, наоборот, эксплицировать намеренно искажённую версию референта (намеренно ложная категоризация).

Таким образом, если несоответствие между содержанием невербальной информации и смыслом высказывания при наличии коммуникативных сбоев носит произвольный характер и может слу-

³ Кобозева И. М. Лексическая семантика: учебное пособие. М.: УРСС, 2000. С. 264.

жить индикатором истинности высказывания, несоответствие между референтом и его репрезентацией в сознании индивида обусловлено интерпретирующим характером восприятия говорящего или факторами прагматического порядка – коммуникативными намерениями говорящего. Это возможно на этапе категоризации, в основе которой интерпретация того или иного события / процесса как «проявления какой-либо категории» [12, с. 48].

Нами был проведён эксперимент. Смоделировав ситуацию исключения ошибочно ложного входного суждения, мы предъявили аудитории видеофрагмент, в котором некие военнослужащие вели боевые действия. Временная отнесённость эпизода была обозначена неотчётливо, но угадывался современный разрез. Для интерпретации увиденного был предложен только один вопрос: *Что вы увидели на экране?*, – ответ на который должен был быть сформулирован одним словом / словосочетанием. Эксперимент основывался на положении Б. А. Гудмана об ошибочной идентификации референта слушающим по причине недостаточно точного, неоднозначного, неполного или перегруженного подробностями входного суждения [2, с. 210].

Версии были разные, но большинство интерпретаторов обозначили увиденное обозначили словом *война*, *боевые действия*. Однако на вопрос, что делают вооружённые люди, были получены ответы от более обобщённых – *воюют*, *ведут боевые действия*, – до более конкретных – *наступают*, *бегут*, *стреляют* и др. Важно, что увиденное было правильно интерпретировано и отождествлено с концептом *война*. Далее тот же самый видеофрагмент был ориентирован на события в Украине (флаг, населённый пункт): ответы были те же, но добавилось словосочетание *военная операция*.

Эксперимент довольно отчётливо показал, что истинность интерпретации – величина относительная, зависящая от того, кто осуществляет интерпретацию.

При этом недостаточная эрудиция интерпретатора, невладение им определёнными терминами, возможно, специальными, могут стать источником ложного суждения. Вероятна и иная ситуация, когда, прекрасно осознавая происходящее, интерпретатор категоризирует его в нерелевантных действительности терминах, производя безусловно произвольный выбор, намеренно ложный.

Максимально наглядно процесс несопадения мнений – категоризации референта – протекает в рамках вопросно-ответного диалога, когда предложенный одним из коммуникантов вариант интерпретации события представляется второму неприемлемым:

7) Р. Билялов: *Сейчас мошенники предлагают поддельные справки о вакцинации либо справки о противопоказаниях к прививке. Как собираетесь бороться с такими мошенниками?*

В. В. Путин: *Есть статьи Уголовного кодекса за мошенничество. Надо просто, чтобы правоохранительные органы эффективнее работали¹.*

Обозначенная ситуация и возможный выход из неё первым коммуникантом видится в семантической плоскости «активно действовать против кого-то или чего-то», прилагая для этого определённые усилия. Второму ситуация видится в ином свете – выполнять работу, трудиться, то есть заниматься привычным делом.

Итак, интерпретация – процесс неоднозначный. С одной стороны, говорящий, вербализуя собственные суждения, опирается исключительно на собственную перцепцию, с другой – реципиент, осуществляя декодирование информации коммуниканта, интерпретирует её в силу собственного опыта, индивидуальных особенностей, текущего эмоционального состояния и др.

¹ Прямая линия с В. В. Путиным. 30.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65973> (дата обращения: 13.06.2022).

Заключение

Вербализация как процесс, как комплекс процессов не ограничивается собственно переходом невербальной информации в словесную: он (переход) опосредован рядом процессов, в числе которых:

1) протекающие на докоммуникативном уровне – формирование предполагаемого к экспликации контента и оценка ситуации общения, а также определение коммуникативных намерений спикера, которые предшествуют и, в свою очередь, обуславливают выбор «упаковки» сформированного контента;

2) характерные для посткоммуникативной рефлексии – соотнесение озвученной информации с предполагаемой к экспликации на предмет соответствия содержания, уместности, произведённого на реципиента эффекта и др.

Исследуемые речевые сбои – вербализованные понятия (идеи) – представляют собой фрагменты полноценного вербализованного суждения о цели, ресурсах или семантическом субъекте как несоответствующие истине о них. Они яв-

ляются действительными показателями мыслительного мониторинга – процесса, осуществляемого в сознании спикера, вызванного его желанием подобрать эквивалентную «упаковку» невербальной информации, предполагаемой им к экспликации.

Оценивая степень соответствия «упаковки» содержанию, адресант сопоставляет категории разного порядка – невербальную информацию сознания и собственные коммуникативные намерения относительно неё (досемантический уровень) и способы её (информации) материализации (семантико-синтаксический уровень) в дискурсе («упаковка»).

Осуществляя выбор, спикер соотносит вербализованную информацию с репрезентацией до тех пор, пока не будет найден приемлемый, по его мнению, вариант. Очевидно, что выбор носит произвольный характер, равно как и то, что он осуществляется с учётом как языковых факторов – нюансов семантики, – так и прагматических – в рамках ситуации коммуникации.

Статья поступила в редакцию 16.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 123–170.
2. Гудман Б. А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи / пер. Н. В. Селивановой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV: Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 209–258.
3. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. М. А. Дмитриевской, С. Н. Сухомлиновой, С. А. Ромашко, С. Ю. Медведевой. Г. Е. Крейдлина, В. С. Оптовой, О. А. Гулыги. Благовещенск: БГК имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
4. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Московский университет, 1989. 172 с.
5. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
6. Лакофф Дж. О порождающей семантике / пер. Р. И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 302–349.
7. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного диалога / пер. Р. И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 258–280.
8. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / под ред. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 130–150.
9. Хомский Н. Язык и мышление / пер. Б. Ю. Городецкого. М.: Московский государственный университет, 1972. 123 с.
10. Чейф У. Данное, контрастивность, определённости, подлежащее, топики и точка зрения / пер. Н. И. Лауфера // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 276–315.
11. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении / пер. Е. А. Лукьянченко, О. В. Федоровой, А. А. Кибрика // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60–88.

12. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта / пер. Б. Ю. Городецкого // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35–73.
13. Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления / пер. Е. В. Прозаровой // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 78–88.
14. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 392 p.
15. Chafe W. From Thoughts to Sounds. Routledge Handbook of Discourse Analysis. London: New York: Routledge, 2012. 712 p.
16. Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech. New York: Harcourt, Brace, 1921. 125 p.
17. Slobin D. I. From “Thought and Language” to “Thinking for Speaking” // Rethinking Linguistic Relativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 70–96.

REFERENCES

1. Van Dijk T. A. Language. Knowledge. Communication (Rus. ed.: Dmitrovskaya M. A., Sukhomlinova S. N., Romashko S. A., Medvedeva S. Yu., Kreidlin G. E., Optova V. S., Gulyga O. A., transl. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. Blagoveshchensk, BGK imeni I. A. Boduena de Kurtene Publ., 2000. 308 p.).
2. Vinograd T. [Toward a Procedural Understanding of Semantics]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XII: Prikladnaya lingvistika* [New in Foreign Linguistics. Iss. XII: Applied Linguistics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 123–170.
3. Goodman B. A. Reference and Reference Failures (Rus. ed.: Selivanova N. V., transl. *Identifikatsiya referenta i svyazannye s nei kommunikativnye neudachi*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XXIV: Komp'yuternaya lingvistika* [New in Foreign Linguistics. Iss. XXIV: Computational Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 209–258).
4. Demyankov V. Z. *Interpretatsiya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ikh modelirovaniya na EVM* [Interpretation, Understanding and Linguistic Aspects of Their Computer Modeling]. Moscow, Moscow University Publ., 1989. 172 p.
5. Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive: dis. ... d-ra filol. nauk* [Discourse Analysis in a Cognitive Perspective: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2003. 90 p.
6. Lakoff G. Generative Semantics (Rus. ed.: Rozana R. I., transl. *O porozhdayushchei semantike*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. X: Lingvisticheskaya semantika* [New in Foreign Linguistics. Iss. X: Linguistic Semantics]. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 302–349).
7. Lenert W. Problems of a Question–Answer Dialogue (Rus. ed.: Rozina R. I., transl. *Problemy voprosno-otvetnogo dialoga*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. XXIII: Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 258–280).
8. Strawson P. F. Intention and Convention in Speech Acts (Rus. ed.: Gorodetsky B. Yu., ed. *Namerenie i konventsiya v rechevykh aktakh*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVII: Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. Iss. XVII: The Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 130–150).
9. Chomsky N. Language and Thought (Rus. ed.: Gorodetsky B. Yu., transl. *Yazyk i myshlenie*. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 123 p.).
10. Chafe W. Data, Contrast, Certainty, Subject, Topics and Point of View (Rus. ed.: Laufer N. I., transl. *Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniya*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XI: Sovremennyye sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike* [New in Foreign Linguistics. Iss. XI: Modern Syntactic Theories in American Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1982, pp. 276–315).
11. Chafe W. Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds (Rus. ed.: Luk'yanchenko E. A., Fedorova O. V., Kibrik A. A., transl. *Na puti k lingvistike, osnovannoi na myshlenii*. In: *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2015, pp. 60–88).
12. Chafe W. The Recall and Verbalization of Past Experience (Rus. ed.: Gorodetsky B. Yu., transl. *Pamyat' i verbalizatsiya proshlogo opyta*. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XII: Prikladnaya lingvistika* [New in Foreign Linguistics. Iss. XII: Applied Linguistics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 35–73).
13. Chafe W. The Role of Introspection, Observation and Experiment in understanding Thinking (Rus. ed.: Prozanova E. V., transl. *Roľ introspektii, nablyudeniya i eksperimenta v ponimanii myshlenii*. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2008, no. 4, pp. 78–88).

14. Chafe W. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago, The University of Chicago Press, 1994. 392 p.
15. Chafe W. *From Thoughts to Sounds*. Routledge Handbook of Discourse Analysis. London, New York: Routledge, 2012. 712 p.
16. Sapir E. *Language: An Introduction to the Study of Speech*. New York, Harcourt, Brace, 1921. 125 p.
17. Slobin D. I. From "Thought and Language" to "Thinking for Speaking". In: *Rethinking Linguistic Relativity*, Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 70–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронина Любовь Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: lv-voronina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov V. Voronina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Social and Humanitarian Disciplines, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikotya;
e-mail: lv-voronina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронина Л. В. Интерпретирующее восприятие, мыслительный мониторинг и коммуникативные сбои в процессе вербализации суждений о цели (в свете лингвистических взглядов У. Л. Чейфа) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 14–23.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-14-23

FOR CITATION

Voronina L. V. Interpretive Perception, Cognitive Monitoring, and Communication Failures in the Verbalization of Purpose Judgments (In the Light of W. L. Chafe 's Linguistic Views). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 14–23.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-14-23